

РЮНОСКЭ АКУТАГАВА

---

*ЧТОБ УСЛЫХАЛ
ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-4
ББК 84(5Япо)-44
А44

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского *В. Гривнина*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Акутагава, Рюноскэ.

А44 Чтоб услышал хоть один человек : [сборник] / Рюноскэ Акутагава ; [перевод с японского В. Гривнина]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-185792-9

Творчество Рюноскэ Акутагавы пользуется заслуженной популярностью как в нашей стране, так и во всем мире, а его самые известные повести и рассказы, такие как «В стране водяных», «В чаше» и «Ворота Расёмон», регулярно переиздаются. Но собранные в этом издании письма школьным друзьям, учителям и коллегам-писателям позволяют взглянуть на известного японского литератора с другой, не столь известной стороны и показывают нам Акутагаву-человека, со всеми его надеждами, мечтами и разочарованиями. А представленные в сборнике эссе и статьи демонстрируют взгляд Акутагавы на литературу, критику, различия между Востоком и Западом.

УДК 821.521-4
ББК 84(5Япо)-44

© Перевод. В. Гривнин, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЭССЕ

РЕЧЬ ПО СЛУЧАЮ ПОСТУПЛЕНИЯ В ГАЗЕТУ¹

Два последних года я преподавал английский язык в военно-морской школе механиков. Для меня эти годы ни в коем случае не были неприятными. Почему? Потому, что до сих пор я был удостоен особой привилегии в свободное от выполнения служебных обязанностей время заниматься творчеством или, можно сказать и так, в свободное от творчества время выполнять свои служебные обязанности.

Даже мне, несведущему, стало известно, что попытка преподавателя А. познакомить учащихся с философией сверхчеловека вызвала недовольство Министерства просвещения. Другой преподаватель Б. был обруган военными властями за то, что погрузился в работу, посвящённую проблемам любви. И то, что в отличие от этих педагогов я, до сих пор будучи преподавателем государственного учебного заведения, мог совмещать свою работу с писа-

---

¹ ...по случаю поступления в газету. — В марте 1919 г. Акутагава поступил в газету «Осака майнити симбун», в которой обязан был печатать определённое количество своих произведений. — *Здесь и далее примеч. пер.*

тельским трудом, воспринимается мной как высшая милость его величества, за которую я должен принести свою сердечную благодарность. Причём А.-сэнсэй и Б.-сэнсэй были великолепными штатными профессорами, а я — ординарным нештатным профессором, и поэтому подобием воздуха свободы, которым я мог дышать, военно-морское начальство не столько облагодетельствовало меня, сколько, возможно, закрывало глаза на его появление по той простой причине, что я для него как бы не существовал вовсе. Но подобное объяснение нужно рассматривать не только как проявление невежливости к своим вчерашним начальникам, но и желание выразить своё искреннее сожаление всем преподавателям, так много помогавшим мне советами. Поэтому, если бы не было внешних препятствий, я, тронутый до слез безбрежным как море благодеянием военно-морского начальства, был бы готов, вдыхая полной грудью густые клубы дыма, извергаемые Йокосукским военным заводом, повторять до бесконечности объяснение текста «Это собака».

Но, к несчастью, мой двухлетний опыт показывает, что как педагог, особенно как педагог, обязанный лепить будущих морских офицеров, сколь бы велико ни было мое самомнение, я абсолютно неподходящий для этого человек. Я никудышный преподаватель, которого должны были немедленно изгнать из школы хотя бы потому, что я не могу как пилюлю проглотить существующий в современной Японии правительственный курс образования. Разумеется, хотя я отчётливо сознавал это, опасаясь

оставить свою семью без средств к существованию, мобилизовал весь свой несколько сомнительный лингвистический капитал и был уверен, что смогу открыть заведение, где продолжу работу, связанную с преподаванием. Нет, если бы у меня не явилось желания, хотя и неумело, но целиком заняться литературным творчеством — пусть даже мне бы пришлось страдать от невозможности заработать этим на жизнь, — я бы, пожалуй, навсегда остался профессором прославленной военно-морской школы. Но я сегодняшней отличаюсь от себя вчерашнего и, если не отдам все силы художественному творчеству, не буду чист ни перед жизнью, ни перед самим собой. Если говорить о времени, теперь мне не придётся пять раз в неделю с восьми часов утра до трёх часов дня работать как машина. И вот теперь, пренебрёгши мольбами начальства и своих сослуживцев, гражданских и военных, я наконец поступил в газету «Осака майнити симбун».

Газета будет платить мне приличное жалованье. Мало того, она не требует, чтобы я ежедневно ходил в редакцию. Мне, мало сведущему в табели о рангах, это позволяет занять положение, намного предпочтительнее получения очередных чинов по указу императора, по мере того как становишься всё более седым.

Вот почему я от всего сердца поздравляю себя с поступлением в газету. Вместе с тем хочу поздравить наш императорский флот, ведь из него бесследно исчез такой никудышный преподаватель, как я. Древние китайцы говорили: «Не возвращайся, пусть твою соломенную хижину овевают весенние

ветры»¹. Но я не считаю себя человеком, постигшим тайны пути. Раскаиваться в прошлых заблуждениях, признавать нынешнее благо не мне, человеку, исповедующему принцип не возвращаться в прошлое. Осенние ветры уже овевают мою соломенную хижину. Я отправляюсь в путь вместе с перелётными птицами.

---

¹ *Древние китайцы говорили...* — Приводятся слова из стихотворения китайского поэта Тао Юаньмина (365—427).

БЕСЕДА ЛИТЕРАТУРНОГО ПОДЁНЩИКА

Редактор. Не напишете чего-нибудь для следующего номера моего журнала?

Писатель. Ничего не выйдет. В последнее время меня прямо одолели болезни и мне совсем не пишется.

Редактор. Все-таки я на вас очень надеюсь.

Мы довольно долго спорили о том, должен ли я что-то написать.

Писатель. ...Такие-то вот дела. Как это ни прискорбно, но вы все-таки должны меня понять.

Редактор. Вы ставите меня в тяжёлое положение. Мне всё равно, что вы напишете, хоть две, хоть три странички. Достаточно того, что в журнале появится ваше имя.

Писатель. Разве не глупо помещать в журнале такую мелочь? Жалко прежде всего читателей, да и журналу будет нанесён ущерб. Вас всякий кому ни лень будет ругать за то, что, выставив в лавке баранью голову, продаёте собачью.

Редактор. Нет, никакого ущерба это не нанесёт. Когда публикуется произведение неизвестного

автора, если вещь хорошая — хорошо, если плохая — плохо, при этом вся ответственность ложится на журнал, а когда появляется произведение известного, выдающегося мастера, ответственность за то, хорошее оно или плохое, полностью несет автор.

Писатель. Ну что ж, значит, тем более ничего не получите.

Редактор. Но ведь для такого выдающегося мастера, как вы, пара неудачных произведений не нанесёт особого ущерба вашей славе, так что опасаться вам нечего.

Писатель. Из ваших рассуждений следует, что, если существованию человека не будет нанесён урон от того, что у него украдут пять-десять иен, воровство нечего осуждать. И позор тому, у кого украли.

Редактор. Одно упоминание о воровстве уже неприятно, лучше назвать это пожертвованием.

Писатель. Бросьте ваши шуточки. Журнал покупает рукопись, это обычная торговая сделка, правильно? Её можно прикрыть любой вывеской — выдвигать требования, говорить о некоей миссии. Но мало найдётся журналов, которые были бы настолько нелояльны к требованиям или миссии, что наносили бы ущерб автору. У продающегося писателя покупают рукопись, у непродавшегося — не покупают, даже если он будет умолять, это вполне естественно. Следовательно, и писатель должен, базируясь на личных интересах, отказать журналу или принять его предложение, правильно?

Редактор. Но мне бы хотелось, чтобы вы подумали о надеждах ста тысяч читателей.

Писатель. Это чистой воды романтизм, не способный и ребёнка обмануть. Даже среди школьников не найдётся ни одного, кто примет ваши слова за чистую монету.

Редактор. Вы не правы, я призван добросовестно выражать надежды читателей.

Писатель. Со своей стороны вы, видимо, правы. Выражаете надежды читателей и в то же время преуспеваете в торговой сделке.

Редактор. Мне неприятно, что вы так думаете. Вы всё время повторяете: торговая сделка, торговая сделка, но я прошу вас написать нам не ради самой этой сделки. А потому, что мне действительно нравятся ваши произведения.

Писатель. Может быть, это и в самом деле так. Во всяком случае, в том, что вы просите написать вам, есть, видимо, и определённая доля доброжелательности. Такого мягкого человека, как я, вашей доброжелательностью легко тронуть. Я всё время говорю: мне не пишется, мне не пишется, но, если бы писалось, я действительно хотел бы написать для вас. Но необдуманно соглашаться — последнее дело, идти на это ни в коем случае нельзя. Если я и избегну неприятностей, то неизбежно с ними столкнётесь вы.

Редактор. Тронут вашим расположением. Почувствуйте и вы моё расположение к вам.

Писатель. Но я не могу чувствовать расположение к происходящему.

Редактор. Прошу вас, не ищите всё новые и новые предлоги, лучше напишите нам что-нибудь. Подумайте о моей репутации.

Писатель. Не знаю, что и делать. Давайте я опишу нашу беседу.

Редактор. Если нет другого выхода, пожалуйста. Я просил бы вас написать к середине месяца.

Перед ними неожиданно возникает человек в маске.

Человек в маске (*обращаясь к писателю*). До чего же ты бесчувственный тип. Сколько же в тебе самомнения — ты обязан немедленно выполнить свой долг, пиши что угодно, все, что приходит на ум. Однажды я был свидетелем того, как Бальзак за вечер написал прекрасный рассказ. Когда кровь ударила ему в голову, он опускал ноги в горячую воду. Когда я вспоминаю его потрясающую силу духа, ты и подобные тебе представляются мне мертвецами. Немедленно выполни свой долг, почему тебя не научили этому? (*Обращаясь к редактору*.) Ты тоже не особенно предусмотрителен. Печатать какую-то сомнительную рукопись — это даже в Америке связано с проблемой законности. Подумай чуточку не только о сиюминутных интересах, но и о том, что существуют некие высшие материи.

Редактор и писатель, не в силах вымолвить ни слова, растерянно смотрели на человека в маске.

В СВЯЗИ С ВЕЛИКИМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕМ 1 СЕНТЯБРЯ 1923 ГОДА

Разрозненные заметки о великом землетрясении

I

В августе 1923 года я вместе с Итиютэем отправился в Камакура и поселился в гостинице Хираноя бэссо. У самого карниза нашей общей комнаты стояли шпалеры с вьющимися глициниями. Между листьями виднелись сиреневые цветы. Августовские цветы глицинии описываются в летописях. Но у дома росли не только эти цветы. На заднем дворе, видном из окна уборной, кусты керрии были покрыты махровыми цветами.

Керрию сразу узнаешь,
К солнцу простёрты ветви её.

Итиютэй

(Примечание. При этом Итиютэй касался рукой тянувшихся к солнцу ветвей керрии.)

Удивительно и то, что у пруда в саду парка Коматиэн наперегонки распускаются ирисы и лотосы.

Ирис с высохшей листвой
И цветущий красный ирис.

Итиютэй

Я не напрасно перечисляю глицинии, керрии, ирисы. Трудно было усомниться в том факте, что в природе происходит нечто близкое помешательству. С тех пор стоило мне увидеть кого-нибудь, как я тут же говорил ему: «Кажется, вот-вот произойдёт стихийное бедствие». Но никто ко мне не прислушивался. Например, Кумэ Масао¹ с ехидной ухмылкой поддразнивал меня: «Знаешь, Кикиути Кан² совсем пал духом».

Мы вернулись в Токио 25 августа, а через восемь дней началось Великое землетрясение.

— Мне хотелось возражать тебе хотя бы из чувства долга, но твои предсказания сбылись.

Теперь Кумэ выказывает большое уважение моим предсказаниям. Я должен признать это... По правде говоря, сам я не особенно верил своим предсказаниям.

II

«Нахожусь в лодке у набережной около улицы Хаматё. Сакурагава Санко».

Это одно из бесчисленных объявлений, расклеенных на пепелищах Ёсивары. Слова «нахожусь

---

¹ *Кумэ Масао* (1891–1952) — японский писатель, драматург, автор хокку, друг Акутагавы.

² *Кикиути Кан* (1888–1948) — японский писатель, сценарист, издатель, друг Акутагавы.

в лодке» написаны, видимо, совершенно серьёзно. Но, как ни прискорбно, это всего лишь поэтический образ. В приведённой строке я смутно увидел облик шута, для которого дом — продуваемая осенним ветром лодчонка. Ёсивара, описанная ещё писателями эпохи Эдо¹, теперь уже никогда не вернётся. Но всё равно в этой листовке ощущалось откровенное шутовство.

III

После того как Великое землетрясение наконец утихло, люди, которые, спасаясь от землетрясения, покинули свои дома, стали дружелюбными и приветливыми. Повсюду: на Ватанабэтё, в Табата, на Симмэйтё — можно было видеть сцены, когда люди, независимо от того, были они соседями или нет, приветливо беседовали между собой, предлагали друг другу сигареты, сладости, нянчили детей. Особенно те, кто пережил бедствие на лужайке «Клуба тополей» в Табата, может быть, из-за спокойного шелеста окружавших лужайку тополей доброжелательно переговаривались друг с другом, будто собрались на пикнике.

Точная копия давным-давно написанной Клейстом картины «Землетрясение». Нет, Клейст помимо этого изобразил ещё и весь ужас того, что стоило улеться волнению, вызванному только что закончившимся землетрясением, как снова медленно просыпаются привычные обиды и страдания. Так что, может быть, и люди, пережившие бедствие на

---

¹ Эпоха Эдо — 1603–1868 гг.